

Леянова З. С.

Камчатка – 1979

(походный дневник)

Побывать на Камчатке хотелось давно, однако мечта эта всегда казалась мне чем-то из области фантастики: шибко уж далеко тот полуостров, напоминающий на географической карте человеческую голову в будёновке!

Но когда мой друг-дальневосточник, Вова Манжос, съездил по туристической путёвке на этот загадочный полуостров, когда рассказал об увиденных там красотах и чудесах, показал интереснейшие фотографии о своём путе-шествии и даже сообщил адрес и телефон тур-

бюро Петропавловска-Камчатского, я решила во что бы то ни стало, увидеть заветный край.

Отпуск осенью 1978 года (работала в ту пору в Череповецком аэропорту, радисткой) провела в деревне у родителей. Собирала клюкву на болоте. Потом мама продала ягоды, а деньги положила на сберкнижку.

Летом следующего года я, предварительно списавшись с Петропавловским турбюро, купила на эти деньги путёвку на Камчатку. А с покупкой авиабилета всё тянула: ждала Сергея Петровича, он собирался полететь со мной.

С Сергеем Петровичем Леляновым, жив-

шим в Москве, у нас был уже почти двухлетний «почтовый роман». Человек этот очень нравился мне, он поражал меня своим умом, благородством, добротой. Конечно, я очень обрадовалась, когда он решил составить мне компанию в этом дальнем путешествии.

Но Сергея Петровича бесконечно задержи-вали служебные дела, и о дне вылета он не мог сказать ничего определённого.

Поняв, что тянуть с покупкой билета больше нельзя, отправилась в кассу аэропор-та. Выяснилось, что пришла слишком поздно: даже как «служебный пассажир», уже не могла приобрести нормальный билет. Пришлось оформить билет Вологда – Москва – Владивосток – Петропавловск-Камчатский с открытой датой из Владивостока на Петро-павловск.

Что такое «открытая дата»? Это когда за билет заплатил, а в билете не указано ни номера авиарейса от Владивостока до Петро-павловска, ни номера места в самолёте. Предполагается, что во Владивостоке ты предъявишь свой билет в кассу аэроагентства, и тамошний кассир впишет «недостающее».

Конечно, это удобно для тех, кто, например, хочет побыть во Владивостоке, но ещё не решил, на сколько дней он там останется.

Но у меня-то совсем другое положение!..

14 августа 1979 года. Череповец, Вологда

Наконец-то собралась. Сказала себе:

- Счастливого пути! – и тут же обна-ружила, что я в домашних тапках. Вовремя заметила!

Наш автобус на Вологду отправляется в 14-00. В такое же время уходит и автобус на Ершово. Когда объявили посадку, прозвучало, как «Варшава». Какой-то дяденька залез в наш автобус и поехал «на Варшаву», потом ни у села, ни у города запросился на волю.

Очень приятный вечер в аэропорту Вологды. Здесь у меня есть знакомая радистка, Клава Коточигова. Договорились, что переночую у неё. Пока Клава несла вахту в радиобюро, мы с её дочкой Иришкой пели и плясали на улице – для души и «для сугреву».

15-16 августа. Вологда, Москва, Владивосток

Молодец, Клава! Помогла улететь из Вологды самым первым рейсом, в 07-40.

Вот и Москва, аэропорт Быково.

Издали заметила Сергея Петровича с букетом цветов. Ходит, волнуется.

Смех и грех! В автобус на Домодедово было столько желающих, что мы не смогли влезть, к тому же в давке нам разбила трёхлитровую банку с вареньем из морошки. Варенье залило мой летний китель, на беду

оказавшийся в одной сумке с этой банкой. Сергей Петрович весь уделался в варенье: всё пытался очистить несчастный китель.

Следующим автобусом приехали в Домодедово. Потратили уйму времени, чтобы сдать в камеру хранения мой чемодан: хотелось развязать руки и просто побыть вместе.

В запасе у нас всего два часа. Посидели «на пляже» - на зелёном косогоре за электричкой. Благо, день солнечный, жаркий.

С.П. обижается, когда я его на «вы» называю. А я по-другому не могу: сказывается профессиональная привычка (пришлось поработать мастером). И С.П. начал меня «перевоспитывать»: за каждое обращение к нему на «вы» или по имени и отчеству он принародно целовал меня! Срочно начала «тыкать»! Но как же это нелегко!

Улетать никуда не хочу. Не вижу в этом смысла. Но С.П. обещает прилететь ко мне во Владивосток через неделю. Обещает помочь с билетом от Владика до Петропавловска. Даже собирается со мной на Камчатку.

Не совсем верю обещаниям: слишком многое в планах С.П. менялось-переигрывалось за последнее время. Но всё же немного успокоилась и даже повеселела. Слышу, как дежурная, пропускавшая на посадку, говорит:

- Слава Богу, хоть одна смеётся! А то все только плачут!

Самолёт ИЛ-62. Моё место у окошечка. За восемь часов полёта до Хабаровска был у нас и яркий день, и вечер с красивейшим закатом, и ночь с красной Луной под нами, и прекрасное утро.

И вот уже внизу видны сопки, повеяло Дальним Востоком – таким родным! На сердце у меня потеплело. И я простила себе этот нелепый отлёт из Москвы. Даже подумалось, что только здесь, на Дальнем Востоке, и надо проводить отпуск, а если удастся, если невероятно повезёт, то и всю свою непутёвую жизнь!

Нас, пассажиров, без задержки пересади-ли на ИЛ-18, позволили прочувствовать, насколько эта машина несовершенна по сравнению с ИЛ-62, и благополучно приземли-ли «во Владивостоке». (На самом деле аэропорт находится в городе Артём, далеко от Приморской столицы).

Меня никто не встретил.

Стало тоскливо, скучно, захотелось спать. В автобусе до Владивостока сразу вырубилась, ничего по пути не видела и даже в городе с трудом проснулась.

Сразу же направилась в аэроагентство. Вот когда поняла, что билет «с открытой датой» - это очень плохо, это всё равно, что без билета оказаться!

Выстояла огромную очередь и услышала от кассирши, что после 20 августа и до середины сентября нет ни одного места на Петро-павловск!

Обратилась к начальнику аэроагентства, показываю билет, турпутёвку. Начальник смотрит на меня, как на пустое место, и отсылает в кассу. Говорю ему, что я – работник аэрофлота. И слышать не хочет.

Как жаль, что мне нечем доказать своё «родство». В паспорте теперь не ставят отметки о работе, иначе был бы там спасительный штампик с аэрофлотовскими крылышками. А лётный костюм мой испорчен вареньем и засунут в чемодан.

Вышла из агентства, расстроенная, озадаченная. Надеялась десять владивосток-ских дней встречаться с друзьями и знакомы-ми, любоваться любимым городом, а, выходит, надо это время дорогое тратить на всякие очереди в попытках приобрести билет на Камчатку.

Поехала на Чуркин мыс, к Нинухе Григорьевой. Дверь её квартиры на запоре.

На улице встретила Танюха Антилова. Пошли к ней. Разговор не больно радостный: не всё хорошо у неё в семье.

Сфотографировала на память Танюху с сынишками – Димочкой и Сашулей. Хороши пацаны! Счастья вам, ребятки!

Отправилась на Комсомольскую, 79, к своим бывшим соседям. Здесь я жила три с половиной года. Отсюда переехала в 1977 го-

ду в Череповец, к маме с папой.

Открываю калитку, волнуясь.

Из дома выбегает Светочка и с таким волнением, с такой бурной радостью, словно любила меня и ждала все эти годы, кричит: «Тётя Зина!!!» И бросается мне на шею.

Обнимаю милую девочку, хочу получше рассмотреть её, но слёзы мешают. И говорить не могу даже.

А Светочка тянет меня к крыльцу.

Навстречу спешит Нина, Светочкина мама.

Замечаю Наташеньку. Подумать только, этот человечек уже ходит, разговаривает! А при мне, в 1977-м, она ещё в пелёнках лежала.

Приятно, что Борьки, мужа Нины, нет дома: в море болтается. Не видеть бы его больше никогда! Этот гад обижал маленькую Светочку, потому что она у Нины от первого брака. Он всех сожрать бы рад...

Нина всё такая же добрая, хорошая. Как мне повезло, что именно она была моей соседкой!

Жилище у них стало просторнее с моей-то комнатой. Но бывшая моя комната показа-лась мне какой-то большой и неудобной. Правда, стены, оклеенные обоями, стали лучше, чем были при мне (тогда они были покрашены).

Потом я пошла к Алле Деревянкиной, на

Дальзаводскую. От неё – к Раче (Нинухе Рачковской), на Сахалинскую.

Нинуха такая худюшая, бледненькая. А Санька всё чего-то злится. Сергуня вырос, говорит и бегаёт. И я опять удивляюсь этому, потому что для меня-то эти годы пролетели как один миг!

От Нинухи узнала, что в той самой Покровке, куда я собираюсь к Серёге и Мирославе Киселёвым, живут и Акимовы Люда с Вовой!

Ночевала у Аллы. Она долго сетовала на тяжёлую Рачину жизнь. Рассказывала и о других Детях-53. А о себе – ни слова. Из чего я сделала вывод, что Алле самой не сладко, что на личном фронте пусто.

17 августа. Покровка

Из Москвы никаких вестей.

В аэрогентстве снова ничего не добилась.

Уехала в Покровку.

18-19 августа. Покровка

Сложное положение, когда гостить мож-но сразу в двух семьях. Никого не хочется обижать. Но в семье Акимовых попроще, чем у Киселёвых. Я «базируюсь» у Люды с Вовой.

Пытаюсь познакомить и сдружить оба семейства. По-моему, они подходят друг для друга: Вова служит в милиции, Серёга – офицер в армии; Люда – врач, Мирослава –

журналист. А дети везде хороши. У Акимовых – Сашенька и Наташенька, у Киселёвых – Серёжа и Димочка.

Собралась покинуть Покровку, но нет билетов на автобус.

И тогда мы с Акимовыми и Киселёвыми, со всеми их детишками махнули на реку Суйфун. Купались, загорали.

20-21 августа. Покровка

Прошёл тайфун. Река Суйфун вышла из берегов и нарушила много мостов. Уехать во Владивосток пока невозможно.

22 августа. Владивосток

С трудом добралась до города.

С билетом – по-прежнему никак.

Решила попытать счастья на море. Ведь ходят же на Камчатку пассажирские пароходы! Но на морском вокзале порядка не больше, чем в аэроагентстве. Здесь тоже ничего не узнаешь, пока не выстоишь умопомрачительную очередь в кассу. А в кассе равнодушно сообщили:

- На ближайшие дни рейсов в Петро-павловск нет.

В отчаянье кинулась в бывшее своё пароходство. Увы, мой «Посыет» (я работала на этом судне в 1975 году) далеко; «Унжа» и «Поной» - не ближе.

23 августа

С Ниной Григорьевой и её племянником Артуром, а также с «моей» Светочкой были на мысе Артур. Это моё любимое место во Владивостоке. Когда-то я открыла здесь скалу «Мефистофель».

24 августа

От С.П. приходят письма и телеграммы, где говорится только про любовь ко мне. Про билет – ни слова. А с 28-го у меня путёвка начинается!

Бесполезное стояние в огромных очередях в аэроагентстве.

Пустые обращения к начальству.

В отчаянье сдала билет. Всё равно на Камчатку не попасть. Погощу ещё немного и вернусь на Запад.

25 августа

Навестила Гражданскую оборону. Здесь я работала радисткой, когда училась на курсах подготовки радиооператоров II класса с приёмом на пишущей машинке.

Наш КП находится в центре города, почти рядом с драмтеатром. Вход на этот серьёзный объект не обозначен никакой вывеской и такой неприметный, что его можно принять за прилепившийся к сопке неказистый домик в одно окошко, с зарешеченной дверью. Идти к этому «домику» надо через узкий двор, с од-

ной стороны которого обрывается сопка, а с другой – стоит двухэтажный жилой дом.

Через «домик» (предъявив вахтёру пропуск!), попадаешь в длинный коридор, уходящий глубоко в сопку. Говорят, что по этому коридору можно выйти на другом конце города или на берег Амурского залива, только этот подземный лабиринт перегорожен в нескольких местах...

В нашем «подземелье» размещены все необходимые Гражданской обороне службы.

Запомнился один случай, произошедший в 1976 году. К сожалению, это было не в моё дежурство.

Стоял жаркий день. В радиорубке было душно, и Галка Хайретдинова, проведя сеанс радиосвязи, вышла «на ветерок» в коридор, прислонилась к дверному косяку.

Дежурная телефонистка тоже решила охладиться в коридоре, стояла у дверей АТС, почти напротив Галки.

Девчата молчали, каждая прислушивалась к работе своей аппаратуры.

Вдруг они заметили свет, приближавшийся со стороны выхода на улицу. Свет стано-вился всё ярче.

Девчата замерли в недоумении.

Вдруг что-то оглушительно грохнуло. Наступила полнейшая темнота и тишина. Электричество погасло. Техника не работала.

- Война! – прошептала Галка.

На ощупь, по стенке она добралась до зала, где нёс вахту оперативный дежурный. Он тоже не понимал, что произошло. Зажёг свечку и смотрел на умолкнувшую аппара-туру.

Появилась встревоженная вахтёрша. Пер-вым её вопросом было: «Все живы?»

Получив положительный ответ, она облегчённо вздохнула и объяснила, что случилось.

Оказывается, шаровая молния влетела на объект...

Сегодня дежурила как раз та самая Галка Хайретдинова. Кстати сказать, она – самая красивая радистка на КП.

Галка очень интересовалась моими делами на личном фронте. Ну, я и показала ей последнюю телеграмму от С.П. А там: «...целую твои губки, глазки, каждый пальчик на ножках...». Галка удивлялась! Рассказывала о своей жизни, более прозаической.

26 августа

Какой С.П. молодец! Да он просто волшеб-ник! В своей Москве добился билета для меня!

С.П. сообщил мне в телеграмме, чтобы я шла к начальнику Владивостокского аэро-агентства. Этому начальнику отправили теле-грамму за подписью заместителя министра гражданской авиации с указанием: «Обеспе-

чить билетом до Петропавловска-Камчатского на 27 августа сего года»; и «об исполнении доложить»!

Я только переступила порог агент-ства, как увидела начальника. Стоит, гадёныш, у входа, меня караулит! Так обрадовался моему появлению, так засиял улыбкой, что меня чуть не стошнило. Знаю причину его «радости»: спешит выслужить-ся перед Министерством, торопится «об исполнении доложить».

- Как хорошо, что Вы пришли! Я Вас жду. Проходите в мой кабинет.

А в кабинете, усадив меня за стол, продолжил:

- Вы посидите здесь. Давайте Ваш билет, я сам схожу в кассу.

- Я билет уже сдала, не надеялась попасть на Камчатку вовремя.

- Хорошо, давайте деньги, сейчас принесу билет.

Не прошло и двух минут, как вернулся с билетом. Подаёт, улыбается:

- Как приятно, что мы с Вами – коллеги!..

Ну, хамелеон!

27 августа. Петропавловск-Камчатский

Интересно получается! Билетов «нет»! А мы летели в полупустом самолёте! Я даже поспала, лёжа на трёх креслах, опустив у них подлокотники.

В Петропавловск прилетели ночью.

До утра мостилась на рюкзаке.

28 августа. Петропавловск-Камчатский

С рассветом дрёму как рукой сняло. Ещё бы! Прямо за окном аэровокзала возвышался заснеженный вулкан! Аэропорт-то расположен у подножия вулкана. Ой, какая красота!

Из Ёлизово, где находится аэропорт, приехала на автобусе в Петропавловск.

Нас, туристов, временно разместили на базе отдыха «Строитель». Здесь должны собраться участники предстоящего похода.

Народ слетелся со всего Советского Союза:

Миша – из Свердловска;

Наташа – из Бердска;

Оля – из Волгограда;

Лида – из Новокузнецка;

Люда – из Лесозаводска (Приморье);

Альмира и Ира – из Мурманска;

Нина и Лариса – из Ангарска;

Люба и Таня – из Иркутска;

Аннета – из Красноярска;

Валера – из Комсомольска-на-Амуре;

Тоня и Вася – с Сахалина;

Валя – из Хабаровска;

Вера, Саша и Наташа – из Ташкента;

Гусман и Юра – из Казани;

Лёша, Таня и Андрей – из Москвы;

Лена – из Зарайска;

Ольга Петровна – из Загорска;

я – из Череповца;

Аня – местная, из Петропавловска.

Вечером купались в бассейне с минеральной водой. Говорят, вода с Паратунки.

Четыре года назад я дважды побывала в Паратунке, купалась в открытом бассейне с горячей водой. Посёлок расположен недалеко от Петропавловска: двадцать минут на вертолёт.

В Паратунской долине бьют горячие ключи (температура воды 90-100 градусов). Горячие воды целебны. Есть здесь питьевые минеральные воды и лечебные грязи. Термальные воды используются для отопления жилищ и теплиц. На Паратунских источниках сооружена геотермальная электростанция, работающая на подземном паре.

29 августа.

Утром перекупалась в бассейне. Когда вылезала по лесенке из воды, чувствовала, будто на мне водолазный костюм надет со свинцовыми грузилами: таким тяжёлым казалось своё тело.

Появился наш инструктор и проводник, Виталий Иванович Меньшиков. Это молодой человек с тёмными глазами, невысокий, худенький, в очках. Говорит негромко. Смотрит внимательно. Смеётся хорошо.

На автобусе отвезли в Пиначёво. Отсю-

да начнётся поход.

Место очень красивое. Вокруг сопки, вулканы. Шумит горная река.

В Пиначёво находится турприют. Правильнее назвать его турбазой: здесь склад продовольствия и туристического инвентаря, есть узел связи, камера хранения.

Чемоданы и всё лишнее оставим здесь. Возьмём только походное.

Виталий Иванович с серьёзным видом советует:

- Если будете чистить зубы, берите щётку; если не будете – не берите. Если будете умываться, берите мыло, если не будете – оставьте здесь.

Хорошо, что не надо нести палатки. Позаботились на Камчатке о туристах! Коль не собьёшься с маршрута, то дойдёшь до бивуака, где тебя ждут стационарные палатки с нарами, дрова для костра, и даже сколоченный из горбыля «М» и «Ж». И людям хорошо, и природа целее будет!

Получили продукты, распределили, кто что понесёт.

В Пиначёво живёт славный пёс Кузя. Он ещё очень юный, но уже ходил в два турпохода, даже поднимался на вулкан Дзензур. И с нами пойдёт! Кузе вполне можно присвоить звание «Турист СССР».

30 августа

Подъём в семь утра. Погода дождливая, холодная.

После завтрака выдали нам накидки из полиэтиленовой толстой плёнки размером примерно полтора на два метра. Объяснили, что накидки пригодятся не только от дождя, но и когда будем проходить сквозь высокую траву.

В девять часов двинулись в путь.

Прошли один дневной переход – четырнадцать километров. Сопки кругом, реки и речки, водопады. Красотища!

Остановились на обед на оборудованном бивуаке.

Пока дежурные готовили на костре еду, остальные валялись на нарах, в палатке.

Валера оговорился и вместо слова «приют» сказал «притон».

Миша сообщил:

- Галеты обладают свойством за неделю разбухать до размеров буханки.

Поели, а вылезать из палатки, чтобы помыть посуду, не хочется.

Виталий Иванович предложил:

- А вы выставьте миски на улицу!

Ну, думаю, сейчас инструктор скажет что-нибудь про дождь, дескать, он и сполоснёт посуду, но услышала неожиданное:

- Они через пять минут будут чистыми: Кузя вылизет.

Дождь не унимается, однако «труба зовёт»!

Натянули покрепче «дождевики», отправились дальше. Сделали ещё один дневной переход. Дошли до подножья Налычевского перевала. Здесь и заночуем.

Итого, за день одолели двадцать восемь километров!

Сколько впечатлений за день! Какое здесь всё необычное.

Трава – настоящий лес! Пучка и шеламайник – высотой два-три метра! Крапива – и та больше меня!

Попробовали шикшу – с виду как черника, но растёт на мху, россыпи ягод! (Виталий Иванович сказал, что шикша богата витамином С и дубильными веществами).

Встретилась княженика. Ягоды напоминают костянику, а листья как у земляники.

Угостились жимолостью – сизые ягодки, похожие на пузатые перевернутые треугольники (как падающая капля); кусты, довольно высокие, как у голубики.

Видели чёрную белку с кедровой шишкой в зубах.

31 августа

Весь день отличная погода. Прошли шестнадцать километров. Одолели два перевала.

На очень крутых местах я подстраховывала Ольгу Петровну, держала её за руку.

Один раз не удержалась сама и покатила вниз. Хорошо, что уцепилась за какой-то корень. Потом шутила над Ольгой Петровной:

- Главное – вовремя отцепиться!

Ольга Петровна – самая старшая в группе. Во время передышек она вслух «пишет письма» Юрию Сенкевичу. Забавно слушать.

Видели карликовые берёзы.

Камчатские берёзы не только с виду разные – от карликовых до огромных. Они и «по содержанию» отличаются: есть обыкновенная, а есть и с очень твёрдой древесиной, например, каменная.

Видели суслика. Он грелся на каменном выступе и свистел, как птица. А другой суслик бежал прямо ко мне, а потом отскочил в траву.

Проходили через лес. Мне почудилось, что на меня кто-то посмотрел с дерева. Оглянулась – никого. Но ведь точно, кто-то посмотрел! Медленно возвращаюсь и внимательно вглядываюсь в деревья. Есть! Это гриб чага на стволе каменной берёзы, только не простая чага, а с рожицей!

Догнала группу. Последним шёл Валера, его и попросила достать «лесовичка».

С большим трудом Валера отковырнул чагу топором, подал мне и сказал:

- Ты сама-то как лесовичок!

«Лешачок-лесовичок» всем очень понравился.

Дошли до Налычевского приюта. Устроились хорошо. Поживём здесь.

Любуемся вулканами: Авачинским, Корякским, Ариком, Дзензуром.

Купались в горячих «лужах». Это довольно большие водоёмы с горячей водой, бьющей из-под земли.

Ой, как мне здесь нравится! Остаться бы здесь!

Виталий Иванович сообщил, что на Камчатке живёт около четырёхсот тысяч человек; всего два города: Петропавловск и, с недавних пор, Елизово, а остальное – посёлки городского типа; совершенно нет змей и воробьёв.

Обратились к кому-то, сидевшему в углу палатки на нарах:

- Эй, на Камчатке!

А в ответ:

- Я и так на Камчатке.

1 сентября

Виталий Иванович объявил день отдыха.

Погода пасмурная. Кроме ближних сопок не видно ничего. А вчера за ними, совсем зелёными, возвышались белые горы – заснеженные вулканы.

Собирали грибы и ягоды.

Купались в «лужах».

Ловили в речке гольца. Я не поймала ни

одной рыбины. Зато впервые в жизни наблюдала за кетой! Она плыла против стремительного течения, мощно работая всем туловищем. Потом свернула к берегу, в тихое место: отдыхала – почти у самых моих ног! И снова вышла на быстрину. Ребята уже поджидали её на перекате, Валера даже ухватился за неё, но кета исхлестала его хвостом и умчалась вверх по течению.

Любопытно, что в этой речке есть места с горячей водой. Мы их обнаружили у самого берега.

По вечерам замечаем очень интересное сгущение облаков. Наверное, это местное явление, характерное только для Налычевской долины. Ведь долина со всех сторон окружена вулканами.

Кстати о вулканах.

Виталий Иванович нам о них целую лекцию прочитал.

Слово «вулкан» происходит от латинского *vulcanus* – огонь, пламя.

Вулкан – геологическое образование, возникающее над трещинами в земной коре. По этим трещинам на земную поверхность извергается лава, пепел, горячие газы, пары воды, обломки горных пород.

После каждого извержения лава застывает в виде твёрдой корки. По мере накопления этих твёрдых слоёв вулкан растёт.

Густая лава быстро остывает на вулкани-

ческом холме, поэтому склоны его очень крутые. Такой вулкан имеет вид конуса и называется коническим.

Более жидкая лава успевает стечь гораздо дальше, пока не затвердеет, поэтому она образует вулкан с пологими склонами – щитовой.

Различают действующие, уснувшие и потухшие вулканы.

Действующие – извергаются регулярно. Потухшие – уже никогда не извергнутся. Уснувшие – ни то, ни сё, притворщики какие-то.

На Камчатке свыше ста шестидесяти вулканов. Из них двадцать восемь считаются действующими.

Виталий Иванович добавил:

- Вулкан считается действующим, если он хотя бы раз извергался на памяти человечества или проявляет «побочную деятельность». Фумаролы, гейзеры, горячие и холодные минеральные источники – это всё «побочная деятельность» вулканов.

Фумарола – струя пара, бьющая из земли.

В местах, где пузыри пара проходят сквозь вулканический пепел, образуется грязевой источник.

Гейзер – периодически вырывающаяся из земли струя горячей воды (температура 95-97 градусов). Высота такого фонтана может быть до сорока метров и даже выше! (Какая жа-

лость, что нынче закрыли для туристов знаменитую камчатскую Долину Гейзеров!)

«Лужи», в которых нам так понравилось купаться, - это горячие минеральные источ-ники.

Бог даст, увидим и холодные минеральные источники. На Камчатке всё есть!

На днях или раньше состоится восхожде-ние на Дзензур. Вулкан этот извергался последний раз в XVIII веке. Считается уснувшим. Или действующим? Как в сказке про Буратино: «Пациент скорее жив, чем мёртв»... Как-то всё здесь нечётко.

Под ногами сильно ощущаем вулканичес-кий пепел. Когда-то им всё здесь было засыпано. Остались ещё огромные плешины, на которых ничего не растёт.

Мы, теперь «теоретически подкованные», жаждем встречи с грязевым источником, хотим увидеть и услышать, как он будет фыркать и плевать, словно манная каша в конце варки.

Виталий Иванович с Сашей ушли втихаря куда-то и долго отсутствовали. Вернулись ближе к ночи. Принесли полный рюкзак кеты! Вот королевский завтрак будет утром!..

2 сентября

Ночью задубела от холода. И хотя было ещё очень рано (до общего подъёма оставался целый час), решила сбегать погреться в «луже».

Вышла из палатки и обомлела: красота-то какая! Небо ясное, все вулканы видны; солнце ещё не показалось из-за них, но всё вокруг уже наполнено светом.

Ночью, оказывается, прихватил морозец, всё заиндевело.

Я попробовала заледенелую шикшу. Словно холодного сока выпила!

На источниках никого. Лежала в горячей воде, распаривала свои косточки и жалела всех, кто в это время ёжился в спальниках на нарах.

А какой завтрак сегодня! Уха из кеты, бутерброды с маслом и красной икрой. Ложками икру ели! Всяк старался запечатлеть сей исторический факт.

Снова в путь-дорожку, шестнадцать километров – к подножию вулкана Дзензур.

Тропа вела то вверх, то вниз, по берёзовому лесу, через быстрые речки, мимо звонких водопадов. Вволю наелись голубики.

Я вызвалась сегодня быть «пресмыкаю-щей» (замыкающей) и плелась позади группы 35/2. Зато у меня было больше возможностей «обозревать окрестности». Впереди шли «лоси», «бугаи» из 35/1. Так их называют «слабень-кие» (или ленивенькие?) товарищи.

Проходили «Краеведческие» источники с сероводородной тёплой водой. Местами земля настолько пропиталась солями этих источников, что на ней ничего не растёт.

Обед прошёл у речки, где тоже есть горячие и тёплые «ванны». Здорово!

В нашем новом лагере шесть низких двойных палаток. Надеемся, не замёрзнем.

Отсюда прекрасный вид на вулканы: Корякский, Оаг и Арик.

Нас окружают высоченные сопки, за ними – другие, в общем, ровного места почти не найдёшь. Выделяются почти вертикальные скалы. Их называют «жандармами». Они никогда не покрываются снегом, так как снег на них не удерживается.

Вечером до темноты успела взбежать на сопку за речкой Таловой. Ах, какая панорама! Просто дух захватывает!

3 сентября

Встала раньше солнышка, поскольку дежурная «по камбузу». Костёр вчерашний ещё тлел, поэтому восстановить огонь было минутным делом. Пока бегала с ведром за водой, поднялась и моя напарница – татарочка Альмира («слабейшая из слабейших» в нашей группе 35/2). Виталий Иванович помог нам быстро приготовить гречку с тушёной, какао.

На призывный звон (ложкой о ведро) выбрался из палаток народ. Быстро подзаправились, быстро приготовились к восхождению на Дзензур. Чувствуется, что походная жизнь сделала нас подтянутее и проворнее.

Какой счастливый день! Сколько мы всего увидели! Было очень трудно, зато интересно-то как!

Увидели кратер вулкана. Мои теоретические представления о кратере абсолютно не совпали с действительностью. Это каньонище с разноцветными стенами, вернее скалами или обрывами. Внизу – насыпи огромных валунов, застывшие потоки лавы чёрного цвета.

Когда видишь эту жуткую картину, начинаешь понимать, какая страшная сила здесь действовала.

Видели фумаролу: из земли вырывается огромная струя пара. А рядом купоросного цвета озеро с бурлящей водой.

Лазали и туда, где с Дзензура когда-то стекла лава двумя потоками.

Лезли по шлаку, который всё время осыпался, поэтому вверх ползли довольно долго.

Ветер сильными порывами пытался сбросить нас с вулкана и заморозить совсем, но мы стойко сопротивлялись. Кузя тоже держался молодцом.

Наверху перед нами открылась бескрайняя панорама Камчатки: Кроноцкий вулкан белеет классическим конусом, «чуть ближе» возвышается Карымский вулкан, между ними находится знаменитая Долина Гейзеров; слева блестит, извиваясь, река Жу-

панова; справа уходит в бесконечность Тихий океан.

Но ближняя «панорама», представляющая собой развороченную землю, всё чёрное, всё голое, всё безжизненное, угнетала. Казалось, будто попал в преисподнюю.

Увидели «Жёлоб». Вода промыла в застывшем потоке лавы настоящий жёлоб. Да уж, правда, вода камень точит! И как красиво это делает! Серо-розовые, почти отполированные, закруглённые желоба то дwoятся, то сходятся в один рукав, уступами спускаются в долину, а по ним несётся до того прозрачная вода, что даже в очень глубоких чашах дно видишь. И только в одной чаше (наверное, бездонной, нам так и не удалось промерить её глубину), вода казалась уже не изумрудной, а чёрной.

Чуть не забыла! Когда спускались к «Жёлобу», перед концом снежника (то есть не тающего и летом снега) увидели ледяной грот. Под голубым рифлёным сводом круто вниз уходит земля; в глубине виден вход в пещеру; а снаружи у одной стены ступеньками с шумом сбегает вода. Жаль, что я не успела добраться до пещеры (инструктор повёл группу дальше).

Сходили к какому-то озеру, которое питается только талой водой. На берегу обнаружили следы зайца и крупного волка. Камчатская серия «Ну, погоди!»?

Потом нам пришлось спускаться почти с отвесных скал по кедрачу (стланику). И Кузя тоже лез, где ползком, где кувырком. В одном месте он повис на кедраче и покорно дожидался, пока ему помогут выбраться.

Намотали сегодня километров тридцать или больше. Шли и снежниками, и по каменным осыпям.

Больше всего понравился спуск по шлаку: пока шаг делаешь, метра на два съезжаешь. А мы ещё и бегом припустили, так весь спуск занял не больше трёх минут (а поднимались больше получаса).

И весь день с нами не разлучался Корякский вулкан – отовсюду его видели. Утром его снежная вершина была совсем розовой в лучах восходящего солнца!

Да, славный день! Сколько раз я добрым словом вспоминала мамулю и С.П. Ведь это они подарили мне такое чудо. И как жаль, что именно они не со мной сейчас. Маршрут осилили бы, я в этом не сомневаюсь! И так же удивлялись бы и радовались всему, увиденному здесь.

Вечером долго сидели у костра всей группой. Виталий Иванович рассказывал о Камчатке, о Долине Гейзеров. Подсказывал, что надо делать, чтобы ускорить её открытие. Договорились, что напишем в газеты «Труд» и «Советский спорт».

Мы узнали, что Тихий океан уменьшается,

а Атлантический – увеличивается; Камчатка поднимается и идёт на сближение с Америкой; на Камчатке всего около 4% почвы пригодно для земледелия; наш лагерь находится на высоте 700 метров над уровнем моря, а кратер Дзензура - на 1600 метров.

А когда нас осталось у костра всего пятеро, вдруг распелись, и похоже, спелись (аж на три голоса!). Давно бы так!

Очень понравилась песня, спетая ташкентской троицей. И песня у них соответственная – про «Азиатские белые горы».

Ты как хочешь, пиши не пиши,

Только вслед мне рукой помаши.

Самолёт, мой испытанный друг,

Высоту набирает, звеня.

Самолёт улетает на юг,

Где опять ожидают меня

Азиатские жёлтые реки,

Азиатские белые горы.

Раз полюбишь – так это ж навеки,

А забудешь – так это ж не скоро!

Азиатские пыльные тропы,

Азиатские старые люди,

И кусочек моей Европы

*У пропеллера в белом блюде.
Там законы читает Коран.
И опять вечера, вечера.
И виднеется слева Тибет,
И виднеется справа Сибирь.
И тоска по тебе, по тебе
Да холодные руки судьбы.
Я с друзьями хожу и пою.
Я росу бирюзовую пью.
Только здесь, посреди родников,
Что стоят предо мною стеной,
Я плыву к тебе, как ледокол,
Оставляя, представь, за собой
Азиатские жёлтые реки,
Азиатские белые горы.
Раз полюбишь – так это ж навеки,
А забудешь – так это ж не скоро!
Азиатские пыльные тропы.
Азиатские старые люди.
И кусочек моей Европы
У пропеллера в белом блюде.*

4 сентября

Надо же! Как легла вчера на левый бок, так на нём и проснулась. И про туалет не вспомнила. Только сны, как всегда, были о дорогих людях – самых близких, о доме. А дом наш – всегда на Дзержинке.

День разгулялся, и мы поняли, что при солнце не только очень красиво идти, но и очень трудно. А когда мы досыта наелись ягод на голубичной поляне, то стало совсем тяжко. Но я набрала ходкий темп и старалась не сбиваться с ритма.

К обеду успели в Налычево. Итак, позади

шестнадцать километров.

Мы снова в долине, окружённой вулканами, которые всё время выглядят по-разному и всегда красивые.

Снова паримся в «лужах» и мечтаем о новых, как здесь говорят, радиальных выходах.

Вечером пили чай, заваренный золотым корнем (радиолой розовой). Народ унюхал запах чайной розы. А вкус у чая непонятный, почти никакой.

Забавные выражения: «разблюдовка» (меню); «кайф» (восторг).

5 сентября

С каждым днём всё вокруг становится пестрее, причём у растений настолько яркие краски, словно мы находимся в цветущем саду. Трудно поверить, что природа увядает.

Видели три берёзы, стоящие рядышком и как бы символизирующие три времени года: одна – совершенно высохшая, голая; другая – с ярко-зелёными листьями, и третья – совсем пожелтевшая. Здорово!

Прошли двенадцать километров до Оагских нарзанов.

Миша пошутил:

- Пока дойдёшь до этих целебных источников, последнее здоровье потеряешь.

Какое зрелище-то! Земля вокруг серо-жёлто-голубая. (Взяли на память по кусочку

серы). Всё бурлит, как будто кипит! Так и ждёшь, что обожжёшься, однако зубы ломит от холода.

В каждой скважине нарзан своего вкуса. Есть и очень кислые, есть как газировка с сиропом, есть почти нейтральные.

С нарзанов возвращались другим путём, тоже примерно столько же километров. И опять, будто в красивой сказке! Так кругом хорошо!

Но чувствую, что мне очень С.П. не хватает.

6 сентября

По-прежнему хорошая погода. Ночи ясные, морозные, а дни очень погожие. Правда, пока солнце – на улице просто жарыща, а чуть облака прикрыли светило – сразу же холод пронизывающий. Вот и крутимся как заводные: то одеваемся, то раздеваемся.

Интересные здесь рябинки. Ростиком низенькие, а ягоды – очень крупные, вкусные, приятно-кисловатые.

Поражает тишина. Птиц очень мало. Они какие-то молчаливые, больше в траве сидят и взлетают на деревья лишь при нашем приближении.

В лесу много грибов. Но удивительнее всего находить лисички среди голубичника и шикши.

Паслись на голубике.

В горячих лужах и горячих речках на каждом шагу разная температура и глубина. А грязь (её прозвали «магической красотой» за её якобы омолаживающее действие) удивительно красива, совершенно неожиданных оттенков: от нежно-розовых, жёлтых и белых до ярких тёмно-зелёных и даже чёрных.

Здесь, в Налычево, горячие источники формируют как бы три реки: верхнюю, среднюю и нижнюю.

Источники «верхнереченские» образуют группу «Котёл».

Когда-то там били гейзеры до двух метров высотой. Но геологи пробурили скважину, потом эту скважину забили, и в земле, очевидно, что-то сместилось. И теперь в «Котле», на гейзеритовом щите, представляющ-ем собой твёрдую толстую корку из кремнистых отложений, образовались ямы с горячей водой (под девяносто градусов). Провалиться туда – значит заживо свариться, так как вытащить оттуда невозможно (такие фигуристые ямы!).

В некоторых местах из-под щита вытекают горячие ручьи, на вкус не слишком приятные.

Кое-где щит разрушился, валяются куски гейзерита. Мы набрали их на сувениры. Я выбрала рыжеватый кусок, примерно шесть на десять сантиметров, весом граммов триста.

Красивый, слоистый. По форме напоминает вулкан.

Кстати, гейзерит за десять лет вырастает на один сантиметр.

По щиту до нас гулял медведь, оставил отпечатки.

Ходили к озёрам. Одно сильно обмелело, и на берегу осталось много травяных кочек причудливой формы, похоже на лежбище котиков. Увидели ещё медвежьи следы.

И ещё немаловажное событие: на ужин сделали котлеты из кеты, а на гарнир гречневую кашу. Вкуснятина!

А Кузя наш – просто удивительный пёс; он не только турист, но ещё и заправский футболист!

На ночь я капитально утеплилась: сплю в двух спальниках, а третьим укрываюсь.

7 сентября

Дождь лил всю ночь и весь день.

Никуда, конечно, не пошли.

Хватило дела на камбузе. Разделявали кету. Огромные рыбины, килограммов по пять-семь. Гора мяса!

Варили «тройную» уху (настоящая тройная варится из разнорыбицы). Нажарили два ведра котлет.

Пировали как в хорошем ресторане.

Но наш праздник был омрачён известием о том, что у Миши умер отец. Мишу сразу же снарядили в путь, помимо сухого пайка дали с собой много котлет. От Налычева до Пиначёва Мишу проводит местный товарищ.

Я сильно встревожилась за своих близких и, чтобы успокоиться, долго гуляла по лесу и даже по «Котлу».

А к вечеру почувствовала, что заболела. Не поддаваться! Только не поддаваться!

Дождливым вечером мы все жались к печке в большой зимней палатке, приспособленной под сушилку. Отчаянно подгорали наши высушиваемые вещи, а Виталий Иванович «успокаивал»:

- Что сгорит, то не сгниёт.

За ужином выдали по банке сгущёнки на троих, и мы так надулись чаю, что всю ночь бегали «минус попить».

8 сентября

Большинство осталось в лагере.

А семь человек, в том числе и я, отправились на Вершинское озеро.

Потом поднялись на хребет, покорили высоту с отметкой 1400 метров. Оттуда увидели прекрасные дали, даже Тихий океан и какую-то большую бухту.

Там, наверху, ходили как по тундре: ольха стелется, кедрач стелется. Мох самых разных видов. Такой красочный упругий ковёр! Поразил один узор из лишайников светло- и тёмно-зелёных оттенков: будто гладью вышит

большой цветок.

Надо же, мох ягель растёт восемь лет!

Солнце не баловало, появлялось изредка, да и то ненадолго. Но кругом всё такое яркое, будто залито солнечным светом.

Попадались цветы до того необычные и красивые, что я так и не нагляделась на них.

Наш милый Кузя носился за летящими куропатками, и мы боялись, что он свалится со скалы. А однажды у него из-под лапы сорвался камешек и покатился вниз по насыпи. И Кузя, видимо решив, что камешек живой, что его надо непременно догнать и схватить, сам едва не полетел к подножию горы и нас чуть не засыпал камнями.

Лезли мы по осыпям и валунам, съезжали как на эскалаторе по сыпняку и шли прямо по ручью вместо тропы.

Прошли вёрхом до самой Налычевской долины и спустились к лагерю.

По пути нарвали рябины, нарубили чаги. Вот какие чаи ещё погоняем!

Прошли примерно двадцать километров.

По радиации сообщили, что Миша с проводником благополучно дошли ночью до Пиначёва. А в девять утра из Пиначёва был рейсовый автобус до Петропавловска.

Надеемся, Миша успеет на похороны.

9 сентября

Какая красивая ночь! Вся долина залита

лунным светом и до половины укутана туманом. И тишина прямо невозможная, словно уши совсем перестали слышать.

А когда засыпала, снился высоченный гейзер, который как будто бы надо было отделять от фумаролы. Во сне таскала кучи гейзеритов и задыхалась от напряжения.

Утром поняла, что пережила так называемый кризис. Теперь надо быстренько поправляться...

Едва проснувшись, помчалась к горячей луже. Над лужей стоял пар, и в нём отражались блики воды. Даже птицы сегодня смелее приветствовали солнечное утро.

Пораспарившись, почувствовала, что голос начал появляться, но чих ещё не унимается.

После завтрака снова отправилась купаться. Грелась в луже, вслушиваясь в окружающие звуки. Слегка шипели пузырьки, тревожившие плавающую «магическую красоту»; иногда подавали голосок редкие пичуги.

Наверное, на Камчатке сейчас бабье лето. Уж такая благодать стоит! Солнце светит. Вулканы все «открылись», то есть стали видны. Небо высокое, голубое.

Никуда ни уходить, ни, тем более, уезжать отсюда не хочется.

Но завтра – в обратный путь. Эх, последний нынешний денёчек гуляем в Налы-

чево мы!

Напоследок лес расщедрился на всевозможные краски и чудеса: то и дело попадались всякие «зверюги», «лешаки», «Змеи Горынычи» (это «забавлялись» коряги и корни деревьев). А грибов-то! А ягод! До отвала наелись вкусной голубики, крупной шикши, горьковато-сладкой жимолости.

Ходили на «Котёл» собирать тысячелистник (я лечу себя отваром этой травы). Девчат потянуло на благородные песни. А у меня, как на грех, засела блатная:

Брошу я шляться,

Брошу волочиться,

Брошу я горькую водочку пить.

Брошу я горькую водочку пить,

Брошу я всякую сволочь любить.

В лужах все наши купальщицы мазались «магической красотой», травили анекдоты, пели, читали стихи. Хорошо!

Когда стемнело, мы с Ниной и Леной купались голиком. Здорово! Камни горячие, лежишь, как на печке. А вода – тёплая. Кругом так тихо, что говорить не хочется. Наслаждались тишиной.

Да, жить – это очень хорошо!

Почему-то подумалось, что кто-то в этот миг травится, давится, топится. А жизнь так прекрасна, так интересна, что, право, сто́ит

всё пережить, чтобы просто жить.

После ночного купания мы сели у костра. Слушали душевные песни.

Наш общий любимец Кузя почему-то выбрал именно меня, прижался как к родной; потом улёгся у ног и даже захрапел, хотя я чётко видела, что один глаз у него открыт. Такое доверие здорово греет душу.

Завтра мы с Альмирой дежури́м. Для нас с нею подъём в пять утра.

А общий выход – в семь часов. День предстоит трудный, переход большой.

И, главное, каждый шаг поведёт уже к дому. А это значит, что скоро на работу, скоро начнутся одинокие дни и особенно неприят-ные одинокие вечера.

Ой, как хочется, чтобы не кончалось лето, чтобы продлилось это чудо вольной жизни и предчувствия чего-то значительного, чего я жду от Москвы!

10 сентября

Мы с Альмирой поднялись в пять часов и обнаружили, что Виталий Иванович уже и завтрак сготовил.

Общий подъём в половине шестого.

А через два часа группа дружно скандировала:

- До сви-да-ни-я, На-лы-че-во!

Двинулись в путь. До Промежуточного приюта тридцать два километра.

Нам так везёт с погодой, что может сложиться не совсем верное представление о климате Камчатки. Снова тепло, солнечно.

Красиво так, что хочется навсегда остаться-ся здесь.

Любуюсь вулканами. Они, как по заказу, все открыты и будто смотрят нам вслед.

Недалеко от вулкана Оаг (высота 2300 м) находится Налычевский перевал, высота которого 1200 метров. Мы одолели перевал в общем-то легко. Даже у меня дыхание ничуть не сбилось, я только потела в тридцать три ручья.

Сознательно нарушала главную заповедь – на переходе не пить. Пила из каждой речки: прощалась с ними.

После обеда решила не спешить за инструктором, шла одна, «чтобы лучше видеть».

Навстречу попались туристы. Я им позавидовала: у них всё ещё впереди! А мы уходим.

(Записываю, сидя на берёзе. Так сказать, уединилась, чтобы не мешали сосредоточить-ся. Но уже стемнело. Пойду к костру.)

На ужин мы с Альмирой сварили манную кашу.

Я поставила на землю горячую миску с кашей – постудить. А Кузя решил, что это для него, и мы с ним едва не поели из одной миски.

Небо звёздное. Из-за остренькой сопки всходит луна. Река шумит. У костра негромко звучат песни. Хорошо!

В палатку уходить не хочется: там, наверное, замёрзну, ведь теперь у нас только по одному спальнику.

Я согласна бы всю ночь провести у костра, но завтра ещё четырнадцатикилометровый переход предстоит.

11 сентября

А ночью ничего, не слишком замёрзла. Надела на себя всё, что было в рюкзаке, да устроилась на животе, упершись «на четыре копыта», и распрекрасно выпалась.

День разгулялся. И переход наш был совсем несложным, очень ярким, красивым, и немного грустным. Шли не торопясь, растягивая удовольствие походной жизни. По пути вволю наелись жимолости.

Юра и Гусман встретили медведицу с медвежонком. В ребятах боролись страх и любопытство. Жаль, что фотоаппарата у них под рукой не оказалось.

Я крепко завидую ребятам, хотя не знаю, как бы повела себя на их месте.

Паслись на совхозной смородине и представляли конец нашего обжорства: как будто мы, позеленевшие, подползаем к палаткам, а все показывают на нас и говорят: «Наконец-то они сыты!»

Получили свои чемоданы. Так не хочется за них браться.

Но уже начали обмениваться адресами фотографа. Я пристаю к Наташе с просьбой написать слова её славных песен. Сообща усиленно доедаем харчи. Близится финиш.

После ужина ребята играли в волейбол. Кузя – самый активный игрок. Он так ловко ловит и держит мяч, что просто восхищаемся его талантом.

На ночь нам выдали по второму спальнику.

Говорят, будто по радио сообщили, что числа 18-го ожидается землетрясение баллов на двенадцать. Чувствую, что разыгрывают нас, новичков-дурачков. Но, признаюсь, хочется пережить хотя бы слабенькое землетрясение.

Вот и прощальный костёр. А на небе звёзд! И река шумит. Слушай, запоминай и храни всю жизнь.

Наташина песня:

Ночи платье бальное

Серебром вышито,

Где-то там на западе

Серп луны повис,

На вершинах снежных гор

Серебро слитками,

Сонные, огромные,

Смотрят звёзды вниз.

А горы спят, спокойствием

Собственным скованы.

Спят друзья усталые

В пуховых мешках.

И будить для выхода

Надо их скоро мне,

Только сам заснуть сейчас

Не могу никак.

Почему-то чудится,

Что тоской выгнанный,

Как и я, под звёздами

Ты грустишь сейчас,

*Жалуясь тихонечко,
Что так и не привыкла ты,
Не привыкла засыпать
Без моего плеча.
Ночи платье бальное
Серебром вышито,
Где-то там на западе
Серп луны повис,
На вершинах снежных гор
Серебро слитками,
Сонные, огромные,
Смотрят звёзды вниз.*

12 сентября. Петропавловск

Похоже, что под конец похода мы всё же научились прижиматься друг к другу, лёжа в спальниках на нарах: спать было очень тепло. И для чего мы «соблюдали дистанцию» весь поход?

После завтрака Виталий Иванович объявил построение и каждому участнику похода вручил награду – значок «Турист СССР» вместе с удостоверением. Сообщил, что по маршрутному листу мы прошли сто пятьдесят километров, а фактически – много больше.

Приехал автобус. Наша групповод Галя из Петропавловска показалась нам ужасно бледной на фоне наших загорелых лиц. Вот что значит не ходить в походы.

Привезли нас не на базу отдыха «Строитель», откуда мы отправились в поход, а в центр Петропавловска, на детскую турбазу. Это хорошо, удобно.

Распрощались с нашим замечательным инструктором, Виталием Ивановичем. Дружно кричали ему вслед:

- До сви-да-ни-я! Спа-си-бо!

Потом я рванула на почту.

Первые впечатления от цивилизованной жизни тяжёлые, гнетущие. Всё-таки как хорошо было на маршруте: ни суеты, ни пыли! А тут сразу и сердце заныло, и голова заболела. А как прочла послания С.П., так и

вовсе сникла.

Отправилась на тихоокеанское побережье.

Шум прибоя слышала издалека.

Но сначала надо было пройти прибрежным леском. Здесь попадались необычайно крупная брусника, костяника, шиповник и какие-то странные цветы – помесь тюльпанов с фиалками.

И вот он, океан! Синий-синий! Прибой мощный. Песок на берегу почти чёрный (вулканический). И чёрные гуси летали над водой. Некоторые плавали и смешно ныряли.

Скалы на берегу и в океане причудливой формы, похожи на дворцы.

Начала было собирать ракушки и остановилась: хотелось только смотреть и слушать.

Свидание с океаном подбодрило, успокоило.

После ужина нам отменили экскурсию по вечернему городу. Тогда я пошла в баню.

13 сентября

Вместо несостоявшейся вчера экскурсии «Огни ночного города» нам предложили сегодня прогулку на теплоходе по Авачинской бухте. Замечательно!

Жаль только, что Юра и Гусман в полдень улетают, поэтому не могут поехать с нами. Ребята проводили нас на морской вокзал, и мы долго махали им с борта теплохода «Алек-

сандр Мутовин» и кричали (уже очень слаженно):

- До сви-да-ни-я!

Прогулка удалась. Почувствовали и качку, и резкий встречный ветер; любовались городом и окружающими его вулканами, огромной бухтой и множеством кораблей.

Неожиданно я увидела свой «Посъет»! Он стоял у берега, в порту, далеко от нас.

Чтобы увериться, что не обозналась, метнулась в рулевую рубку, попросила бинокль. Настроив окуляры, прочитала: «Посъет. Владивосток».

Родной ты мой! Со свиданьем! Как я этому рада!

Для полного счастья хотелось ещё, чтобы кто-нибудь из экипажа вышел на палубу. Мысленно заклинала:

- Пожалуйста, покажитесь!

Никто не вышел.

Не сводила глаз с родного парохода, пока могла видеть его, беззвучно повторяя: «Здравствуй и прощай!»

С этими же словами обращалась и к скалам «Три брата», ставшими символом Петропавловска, и к Тихому океану, и к Авачинской бухте, и даже к глупышам, бакланам, ныркам и чайкам.

Сойдя на берег, мы толпой отправились за сувенирами. Валера повёл нас за чужами («валенки» из оленьего меха). Магазин нахо-

дился у чёрта на куличках, и мы сокрушались по этому поводу, опасаясь за наших «слабейших из слабейших». Но они-то как раз чесали впереди всех! Что значит стимул! Знать бы об этом в походе!..

Сегодня вечером мы с Ирой улетаем. Остальные – кто как: или морским путём до Владивостока, а дальше поездом или самолё-том; либо самолётом из Петропавловска, но попозже.

На прощанье выпили шампанского – за будущие совместные походы.

В аэропорту выяснилось, что наш рейс задерживается по метеоусловиям Хабаровска. Потом была ещё какая-то причина задержки. Истомили нас ожиданием.

Наконец, мы в самолёте. Голодные!..

Опасаясь, что до Хабаровска нас не покормят, поскольку перелёт не очень долгий, решили перекусить до взлёта.

Разложили на откидных столиках сухой паёк, состоящий главным образом из варёных яиц. Только приступили к трапезе, как самолёт начал разгоняться. Яйца покатались, повалились нам на колени и на пол. Мы их ловим, а самих смех разбирает.

Кое-как подзаправились. И хорошо сделали!

Нас не кормили не только до Хабаровска, но и до самой Москвы!

В Хабаровске долго ждали, пока пересадят

на другой самолёт.

До самой Москвы мы не видели никого из стюардесс, только слышали их голоса по радио: нам вещали о достоинствах ИЛ-62, о высоте полёта и температуре за бортом, иногда рассказывали, над какими городами пролетаем. Лучше бы водички дали!..

14 сентября. Москва

В Домодедово прилетели ночью.

Толпы встречающих! Но С.П. не вижу.

Аэровокзал под завязочку набит народом: кому лететь, кому до утра в Москву не выехать. По радио объявляют что-то невнят-ное.

Может быть, С.П. и приезжал в аэропорт, чтобы встретить наш рейс. Но мы настолько выбились из графика, что вряд ли кто мог сообщить точное время нашего прилёта. Думаю, что С.П. вернулся в Москву. Зачем ему маяться ночью в этой неразберихе?

Мы с Ирой приткнулись в каком-то закутке, сели на чемоданы дожидаться утра.

Сквозь дрему я иногда взглядывала на мельтешащую толпу и опять погружалась в полузабытьё.

В очередной раз раскрыла глаза, и вдруг почудилось, что в толпе промелькнул С.П.!

Попросила Иру присмотреть за моим чемоданом, и ринулась в людскую гущу.

Преодолевая «броуновское движение» со-

тен людей, догнала, наконец, высокого мужчину с седой шевелюрой. Точно, С.П.! Окликнула. Он обернулся. Кажется, удивился. Не сказав ни слова, даже не улыбнувшись, схватил меня за руку и потащил за собой куда-то. Миновав несколько залов, наконец остановился около какой-то буфетной стойки. Не выпуская моей руки из своей, что-то сказал продавщице. Она достала с витрины из банки с водой букет цветов и подала С.П. (Оказывается, он ещё с вечера пристроил здесь свой букет).

Только теперь Сергей Петрович радостно заулыбался и, протянув мне цветы, сказал:

- Ну, здравствуй, Зиночка!..

2011 год

Череповец